

ИЗ «ТЬМЫ» ПРИВАТНОСТИ НА «СВЕТ» ПУБЛИЧНОСТИ (сексуальная этика в дискурсе художественной литературы и критики 1920-х гг.)

Обращаясь к художественной литературе периода 1920-х гг., трудно не заметить, что, как и всегда бывало в России, созданные в это время художественные произведения чутким образом отзывались на события, происходившие в стране. Отзывались они и на те новшества, которые были связаны со строительством «нового быта», созданием новых форм взаимоотношений между полами. Как и в случае с брошюрами и статьями идеологов партии и правительства, получавшими после публикации характер «установочных» документов, отношение к тому или иному социальному явлению, отображенному в литературном произведении, могло стремительно поменяться вслед за появившимися в печати его оценками, а сами оценки — приобрести характер предписания и руководства к действию. Не стоит забывать и того, что некоторые из литераторов имели — иногда до поры до времени, но все же имели — сравнительно близкие, дружеские отношения с верхушкой советского государственного и партийного аппарата¹ и через тексты своих произведений транслировали нужные на тот момент идеи.

Художественные произведения, прикасавшиеся к «падали полового вопроса», заостряли перед современниками серьезные политические дилеммы. Среди них — проблема формирования «нового человека», создания новой, так называемой пролетарской, нравственности, вопрос об опасности «мещанства» в советском обществе. Как круги по воде от брошенного камня, вокруг произведений, затрагивающих тему любви без прежних (налагаемых старым правом и церковным браком) обязательств, расходились волны общественного внимания. Иногда эти волны перерастали в неподдельную тревогу за молодежь и выплескивались на страницы молодежной печати, брошюр, газет, журналов.

Одними из первых литературных произведений, пробивших брешь в традиционной картине весьма пуританского изображения отношений полов, стали литературные опыты А. М. Коллонтай².

Серия рассказов, объединенная единым заголовком «Любовь пчел трудовых» (1923), куда вошли также рассказы из серии «Женщина не переломе (психологические этюды)», опубликованные ею чуть раньше под псевдонимом (девичьей фамилией) А. Довмонтович³, а также «вторая серия» произведений, опубликованная четыре года спустя (повести «Большая любовь» и «Василиса Малыгина»⁴, рассказ «Сестры», все — 1927 г.)⁵ были — по разным причинам — невысоко оценены литературной критикой. Российские авторы усматривали в этих произведениях писательницы иллюстрацию к теории «стакана воды», слишком большую вольность в трактовке вопросов, касающихся отношений между полами, сексуальной морали⁶, западные — «плоскость» характеров, отсутствие литературных достоинств⁷.

Тем не менее трудно не признать пионерского характера этих литературных произведений. Именно в них А. М. Коллонтай удалось запечатлеть отличительные черты «нового полового быта» — снижение ценности девственности для строительниц нового мира, тяжесть выполнения для женщины, включившейся на равных с мужчиной (мужем) в работу на крупном производстве, домашних и порой супружеских обязанностей, опрошенность совсем не романтического быта. Как большевичка-феминистка, писательница не могла обойти стороной и тему носителей прогрессивных идей. Ими у нее предстают женщины, ее героини (в особенности Васька, главное действующее лицо повести «Василиса Малыгина»); мужья же этих женщин, друзья и соседи оказываются той

социальной группой, которой еще предстоит «дорости» до нового понимания гендерного равенства. Негласный моральный запрет на описание подробностей нормальной гетеросексуальной эротике, существовавший в «приличной литературе» начала XX в., привел к тому, что чувственность в произведениях А. М. Коллонтай (да и в современной ей советской художественной литературе в целом) бессознательно прорывалась в страстных однополых объятиях и поцелуях между женщинами. В повестях и романах А. М. Коллонтай было множество женских образов, и, внедряясь в пространство их описания, писательница как бы намекала на возможные психодрамы между женскими персонажами (что, по правде сказать, отсутствовало в этих «машинах коллективного ликования», как позже стали именовать на Западе образы литературы социалистического реализма). Свои произведения она завершала открытыми вопросами: «На чьей стороне будущая правда? Правда нового класса, с новыми чувствами, новыми понятиями, новыми усмотрениями?»⁸

Именно А. М. Коллонтай следует отдать первенство в постановке вопроса об изменении статуса и прав женщины как сексуального партнера. Известно, что это было связано с личной биографией писательницы⁹, но, так или иначе, именно она, будучи общественной деятельницей высокого уровня образованности, поставила проблему и показала возможность обсуждать эту «трудную тему» прямо и откровенно, и при этом корректно и достойно.

Комментируя литературное творчество А. М. Коллонтай, рецензент отмечал, что оно является «самым чутким общественным барометром в области половых вопросов»¹⁰. В то же время он считал, что изображенные ею отношения и связи есть живописание «половой распущенности, прикрываемой разными чувствами любви», «ослабления и полного атрофирования сдерживающих половых центров», что — по его мнению — не могло не вести «к разврату, к половым недугам и венерическим болезням, к кровосмешению и вырождению». Тему пола он называл «проклятой» и относил к «наследию старого мира». «Достаточно повнимательней присмотреться к некоторым молодым “типам” Коллонтаевских “семей”, — возмущался рецензент, — чтобы понять всю вздорность и опасность таких “новых путей” и таких новых форм брачных отношений...»¹¹ «Мы не сторонники полового аскетизма, — заключал он. — Половой аскетизм — крайность, которая может привести к другим нездоровым последствиям. Но мы считаем, что в области половой деятельности человек должен найти какую-то грань, какую-то середину, которая позволяла бы организму распределять вырабатываемую энергию... ценить “не это”, а кое-что другое — любовь, основанную на одинаковости интересов борьбы, одинаковости классовых идеалов, сродстве душ»¹².

Если рассматривать произведения А. М. Коллонтай не с точки зрения традиционных эстетических критериев, а видеть в них часть агитаторской деятельности этой революционерки и ниспровергательницы старых устоев, если замечать прежде всего поставленную ею цель — просвещение женщин, побуждение их к освобождению от старой социальной и эмоциональной зависимости, то тривиальная форма изложения ею житейских историй окажется оправданной. Тексты Коллонтай были понятны, просты, схожи с плакатными методами идеологической пропаганды — только в данном случае пропагандировались новые формы отношений между мужчинами и женщинами, и пропагандировались в ясно очерченной целевой группе (молодежь, молодые женщины). Активно разоблачая «буржуазных равноправов», в своем пафосе ценности индивидуальной женской судьбы А. М. Коллонтай осталась фигурой одинокой и непонятой товарищами по партии. Ее концепции свободной любви («стакан воды», «крылатый Эрос», «любовь пчел трудовых», «любовь-игра» или «любовь-товарищество») интересны и сегодня как иллюстрация основной стратегии 1920-х гг. в отношении «женского» — стратегии «переживание вместо знания»¹³.

Итак, не только публицистика А. М. Коллонтай (эссе «Дорогу крылатому Эросу!» также появилось в печати в 1923 г.), но и ее литературно-художественные опыты способствовали «открытию» эротической темы в публичном дискурсе. Вслед за

«Любовью пчел трудовых» в молодой советской прозе появился вначале очерк Н. А. Брыкина «Собачья свадьба» (в котором свадьбу главного героя, замененную обычной регистрацией в ЗАГСе, расценили как «собачью», а отношения с женщиной — как собачью случку)¹⁴, а затем трехтомный роман И. Ф. Калининкова «Мощи»¹⁵. В последнем весьма натуралистично описывались гомосексуальные и гетеросексуальные контакты вкуче с гастрономическими излишествами в среде церковного клира — «типичные для сытой и праздной монастырской жизни», как оценил их рецензент газеты «Правда»¹⁶. Уже через несколько лет сцены «развратного монастырского жития», «любовная интрига, заслонившая у автора социальный фон», «смакование картин разврата» стали причиной причисления романа к порнографической литературе и изъятия его из библиотек. Сам автор эмигрировал в Чехословакию и получил впоследствии характеристику «заштатного прозаика».

Но в тот момент — в 1926 г. — роман И. Ф. Калининкова был еще очень популярен¹⁷ и в нем видели попытку изобразить типическое половое поведение в среде не самых передовых или просто отсталых (с точки зрения большевистской морали) социальных групп. В появившемся буквально следом за ним и печатавшемся в журнале «Красная новь» из номера в номер романе Ф. Гладкова «Цемент»¹⁸ главные герои представляли уже не отсталый, а победивший класс — пролетариат. И если герои «Мощей», по словам знаменитого в то время «врача партии» А. Б. Залкинда, «бесились с жиру»¹⁹, то герои гладковского романа должны были являть типические черты ожидаемого полового поведения и половых отношений в среде строителей нового общества.

Одна из героинь романа — Даша Чумалова — без колебаний подчиняла личное главному, а именно общественной работе: для реализации этой задачи она сдавала новорожденную дочь (жизнь которой была дана не по любви, а по случайности) в Дом малютки (сиротский дом). Что и говорить о личных эмоциях и вынужденно «забытой» женской сексуальности, если сама главная героиня Поля Мехова считает, что «у нее как будто была голова и не было тела...»? Читательницы встретили роман А. Гладкова без восторга, с недоумением и протестом: они не верили ни автору, ни поступкам героини²⁰.

Между тем литературная критика выделила этот роман из множества литературной продукции тех лет именно потому, что в нем была «правда жизни», — в том числе, согласно современным взглядам на предмет, в неожиданно выявленной автором связи между идеологическим и сексуальным насилием²¹. А. Гладкову удалось довольно точно зафиксировать своеобразие пресловутого «нового быта» с его постепенной отменой моральных запретов в сфере сексуальных отношений и множественностью предписаний во многих других.

Совсем иное отношение встретил рассказ П. С. Романова «Без черемухи»²², вызвавший еще более острую полемику в молодежной среде, но как раз потому, что показался молодому читателю жизненным. Метафорическое его название быстро стало нарицательным — как синоним грязных, пошлых, невозвышенных эмоциональных отношений, тех самых, против которых протестовала героиня рассказа («Без черемухи не можешь?») — «Нет, могу. Но с черемухой лучше, чем без черемухи»²³). Написанный от лица молодой девушки, признающей в своем первом сексуальном опыте (подзаголовок — «Из писем женщины»), рассказ ставил задачу отобразить существовавшие в то время — и названные позже «эксцессами полового анархизма и упрощенчества в молодежной среде»²⁴ — отношения между полами и художественно-заостренно представить нормы и практику половой морали.

«Половой вопрос» немедленно приобрел характер повсеместно обсуждаемой темы. «Комсомольская правда» сделала специальную подборку цитат «К. Маркс и Ф. Энгельс о браке и семье» и разместила ее вместо передовой в одном из выпусков²⁵. Один из комсомольских активистов и постоянных авторов весьма популярного в то время «Женского журнала» призвал всех лекторов-общественников включать отныне в обязательном порядке проблемы пола в своей лекционный репертуар²⁶. В прессе

множились письма протеста, на молодежных собраниях в вузах и университетах обсуждались и осуждались опубликованные тексты.

Стенограмма одного из обсуждений — диспута на тему «Вопросы пола и брака в жизни литературы» в Московском политехническом музее 6 марта 1927 г. — сохранилась в личном фонде критика В. П. Полонского в ИМЛИ²⁷. Сам он считал книги П. Романова, С. Малашкина и Л. Гумилевского «ужасной литературой» именно по причине их безнравственности²⁸.

И критик, и читатели почему-то отказывались замечать, что одновременно с повестью «Без черемухи» П. С. Романов опубликовал и ряд других. И если, например, в рассказе «Суд над пионером»²⁹ он вновь поставил вопрос о половом воспитании юношества (это повлекло поток писем в его адрес, в том числе писем осуждающих, их-то и обнародовали³⁰ — при всем том, что их авторы признавали, что вопрос по-прежнему «висит в воздухе»), то, скажем, рассказ «Большая семья» рисовал вполне «правильные», идеальные межполовые отношения, в которых семья представляла важным социальным фактором, дающим ощущение уверенности, самореализованности, и была противопоставлена сексуальным контактам без любви и духовной близости. В «Большой семье» критики усмотрели почему-то одну «сплошную говорильню», в то время как «Без черемухи» подвергли осуждению и с литературной, и с политико-содержательной точки зрения³¹.

Молодежная среда и молодые авторы-критики вычленяли из сборника рассказов те, что возбуждали споры; они отзывались на них и на повесть «Без черемухи»: «Растет и формируется новый человек. Этого до сих пор не замечают некоторые “бытописатели студенчества”, которые до сих пор пробавляются падалью полового вопроса и свои собственные сексуальные переживания выдают за студенческий быт»³². Сам язык осуждения оказался насыщен множеством синонимов, характеризующих моральный упадок и разделение чего-то когда-то целого на части (диссимиляцию): «разложение», «разврат», «распушенность»... Читая строчки пожелтевших от времени газет, трудно избавиться от ощущения, что такая «реакция молодежи» на повесть была инспирирована.

Начало ей положила публикация огромного «подвала» в газете «Правда» в декабре 1926 г., подписанного П. Ионовым; озаглавленная одинаково с романом, она не оставляла камня на камне от концепции свободы в сексуальных отношениях³³.

«Падаля полового вопроса», как ее окрестил корреспондент молодежной газеты, несмотря на критику, продолжала вызывать острое любопытство. 5000 экземпляров книги П. С. Романова разошлись за несколько дней — прежде всего потому, что изображенные в ней отношения в молодежной среде были «сколком жизни». «Часто парень, — отмечала в 1927 г. комсомолка Л. Каган, не забыв упомянуть о влиянии на молодежные нравы книжки П. Романова, — приставая к девушке и получая отказ, не примирялся с этим и начинал травлю этой “мещанки”, приводящую девушку в таких случаях или к уступке в притязаниях парня или к выходу из союза» (имеется в виду ВЛКСМ)³⁴. Иными словами, это было время, когда под «мещанством» могла пониматься обыкновенная сдержанность в отношениях и, наоборот, «истинно-коммунистической» могло считаться стремление женщин «производить» детей от случайных партнеров (в этом плане особенно показательна пьеса С. Третьякова «Хочу ребенка!», героиня которой, определив кандидатуру будущего отца своего чада, решалась попросить лишь 3-дневный отпуск с работы на конвейере «для производства зачатия»³⁵).

Примеры влияния литературы на жизнь, если судить по публикациям молодежной прессы за 1926—1927 гг., множились, поэтому «старшие товарищи» сочли необходимым вмешаться и «разъяснить», сиречь расставить «точки над *i*» в неумолимо продолжавшейся дискуссии о сексуальной свободе, заставить ее войти в нужные им рамки. Что это были за рамки, легко себе представить, если ставилась задача «покончить с этим больным вопросом», но так, чтобы не дать идее «свободной любви» превратиться «ни в анархию, ни в бордель»³⁶. По сути, тем, кто «конструировал» нового человека, нужно было направить дебаты в русло «спокойного признания» второстепенности вопросов быта по

сравнению с другими вопросами новой пролетарской морали и перенаправить (сублимировать) энергию из области половой жизни в область полной самоотдачи коммунистическому строительству³⁷.

Влиятельный критик того времени Вячеслав Полонский отметил в предисловии к одному из разделов сборника своих статей «опасную волну» эротической литературы, с которой необходимо «покончить»³⁸. Примерно те же по смыслу требования он обнаружил годом раньше — в статье, опубликованной в газете «Известия»³⁹.

Задачей «покончить» с «половым вопросом», «раз и навсегда разобраться» с ним были вдохновлены и организаторы диспута в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, выдержки из которого сразу после события опубликовал журнал «Молодая гвардия»⁴⁰. Среди поддержавших идею продолжения диалога писателей с читателями по наболевшему вопросу (их было меньшинство) был поэт В. Кирион, что же касается критиковавших ее, то они подчеркивали гиперболизацию, сгущение красок и пугали дурными последствиями. При этом, однако, заведующая отделом работниц и крестьянок ЦК РКП(б) С. Н. Смилович отметила, что все же произведение П. С. Романова «не безнадежно», поскольку «Таня ушла от разврата в здоровую личную жизнь»⁴¹.

Так что не успело пройти и года со времени публикации рассказов и повести П. С. Романова, как (буквально с конца 1926 г.) идеологическая машина, можно сказать, повела атаку на либертианские взгляды. Да и как иначе назвать прозвучавшие со страниц молодежной печати гневные отповеди современным П. С. Романову прозаикам и поэтам, касавшимся «полового вопроса»?⁴²

Об изменении взглядов на «половой вопрос», о последовавшей сверху директиве пересмотреть отношение к вопросам морали, о наложенном табу написал в 1927 г. в своем дневнике (ныне хранящемся в его фонде в ИМЛИ) сам П. С. Романов⁴³.

«Первым звонком» стало восприятие так называемой «общественностью» (а на деле — идеологами, жестко контролировавшими политические и иные настроения и состояние умов молодежи) нового романа Л. И. Гумилевского (1890—1876), известного в те времена прозаика и поэта, «Собачий переулочек». Следом за ним из-под его пера вышла и новая повесть на ту же тему — «Игра в любовь»⁴⁴.

Изображая половые отношения в среде молодежи как не регулируемые никакими нравственными законами, вкладывая в уста героя романа отрицание существования любви («Мы не признаем никакой любви! Это все буржуазные штучки, мешающие делу! Развлечение для сытых!» — декларировал в повести человек с говорящей фамилией Хорохорин⁴⁵), Л. И. Гумилевский лишь популяризировал взгляды на «половой вопрос», соотносимые с теорией «стакана воды». Под лозунгом «Голод и секс — инстинкты, требующие удовлетворения» лирический герой романа призывал бороться с мещанским бытом и мещанским счастьем и искал себе под стать героиню, готовую отдаваться «по страсти, по животному» («Неужели вам еще и слова нужны?»⁴⁶). Именно в этом произведении 1920-х гг. оказались выведенными необычные черты тогдашнего молодежного быта, в частности создание кружков «Долой невинность!» и «Долой стыд!» (их поддерживала в романе Анна Рыжнинская, подруга Хорохорина)⁴⁷.

Книга Л. И. Гумилевского пользовалась в те годы огромной популярностью в молодежной среде⁴⁸, но именно этим она быстро привлекла внимание цензурных и иных органов. После яростного рапповского разноса «Собачьего переулочка» в конце 20-х гг.⁴⁹ двери редакций для беллетристики этого автора, по существу, закрылись⁵⁰, а само издание надолго вошло в «Список книг, подлежащих изъятию из продажи и библиотек». Этот список, посланный на утверждение в ЦК, явно составлялся на основании данных о наиболее популярных в молодежной среде книгах⁵¹. Политконтроль ленинградского ОГПУ потребовал от Ленгублита немедленно конфисковать тираж, но последний отговорился тем, что в Москве появилось уже второе издание романа.

С подачи комсомольских активистов в нескольких ленинградских вузах в 1927 г. состоялись «суды» над «Собачьим переулочком», который был заклеен в духе того времени как «клевета и поклеп на советское студенчество»⁵². Начальник Главлита

П. И. Лебедев-Полянский печально констатировал: «В области беллетристики наблюдается рост упадочных настроений, частично затронувших пролетарскую и комсомольскую литературу сильным эротическим, а иногда и порнографическим духом»⁵³. Помимо Л. И. Гумилевского, главный цензор страны того времени назвал произведения П. С. Романова и С. И. Малашкина, о которых было сказано, что они изображают «в искаженном свете половую жизнь рабочей и учащейся молодежи»⁵⁴.

Прозаик и поэт С. И. Малашкин стал в это время известен благодаря повести «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь»⁵⁵, в которой довольно смело рассказал о проблеме нравственного растрепания личности в условиях строительства так называемых «новых отношений между полами». Любопытно, что сам писатель полагал, что пишет фантастику, а не отображение существовавшей реальности⁵⁶, считая, что своей повестью выплеснул тревогу и отчаяние старшего поколения за судьбы молодежи⁵⁷.

Выдержавшая в течение одного 1928 г. 7 изданий, повесть С. И. Малашкина вызвала настоящую бурю в печати, массу пародий⁵⁸ и подражаний⁵⁹. Повесть, по словам современника, «просто-таки сметали с книжных прилавков», а сам С. И. Малашкин был невероятно популярен. По сюжету повести героиня ее (Таня Аристархова), порвав с «кулацкой семьей», вступала в комсомол, приезжала в Москву «за образованием», но вместо этого приобщалась к наркотикам⁶⁰, подвергалась растрепанию, став участницей «афинских ночей». Персонажи повести были выведены С. И. Малашкиным сторонниками безудержного разврата, приукрашенного притягательными революционными лозунгами и возглавляемого «идеологом» (тут педалировалась еще и национальная тема) — неким Исайкой Чужачком, с гордостью называвшим себя «маленьким Троцким из Полтавы».

Публикация повести С. И. Малашкина вызвала гневную отповедь центральной молодежной газеты, которая настоятельно рекомендовала не только автору сочинения, но и издательству установить *связь* с читателем, жизнь которого якобы отображена в повести⁶¹. Эту связь, похоже, помогали установить устраиваемые в конце 1920-х «суды над половой распущенностью», сценарии которых публиковались в прессе как пропедевтический и пропагандистский материал⁶², ориентирующий активистов на превращение «частного» в «публичное», предлагающий варианты и модели такого превращения через признания на коллективных расспросах («судах»). Трудно оценить, насколько невыдуманым был суд над одним из граждан, неким Иваном Кузнецовым, чьи признательные «показания» о сексуальной этике были опубликованы в тот год отдельной брошюрой, но обращают на себя внимание завершающий вопрос председателя суда «Должно ли государство вмешиваться?» и ответ публики «Должно!»⁶³.

Между тем уже в 1929 г. на новые издания повести С. И. Малашкина был наложен запрет. В статье о Малашкине, вышедшей в 1932 г., говорилось: «Расписывая половую распущенность героини повести, комсомолки Тани, “жены 22 мужей”, Малашкин не смог поставить вопроса о социальных причинах этой распущенности... В результате получились необоснованные, огульные обвинения коммунистической молодежи в распущенности»⁶⁴. Повесть была резко осуждена «коммунистической критикой» и быстро включена в список запрещенных книг.

В тот же список вошла на следующий год после публикации повести С. И. Малашкина книга Н. А. Венкстерн (1891—1957), впоследствии детской писательницы, — «Аничкина революция»⁶⁵. Беспросветная, трагическая судьба некой Анички, воспитанницы Института благородных девиц, очутившейся после революции в коммуналке и затравленной соседями, могла бы оказаться и пропущенной советской цензурой. Однако претензии вызывали слишком откровенные сцены в духе Л. И. Гумилевского и П. С. Романова, необходимые автору для изображения «угара нэпа».

Наконец, та же судьба постигла и рассказ «Содружество» о жизни молодежной «коммуны» 1920-х, написанный в 1929 г. Ильей Рудиным⁶⁶. Главный герой сочинения И. Рудина Иван Дорош, которому друзья советовали «полечить психастению — неврастеническое наследство фронта», жил в странном коллективе, похожем на коммуну, который он сам и его друзья называли «гуртом». Уродливая форма организация жизни,

похоже, наложила отпечаток этого уродства на каждого члена «гурта», считавшего своим долгом вписывать до поры до времени свои самые сокровенные переживания в коллективно ведущийся «гуртовой дневник». В этом дневнике (якобы найденном автором, а на деле сочиненном им) отразились характерные черты «половой идеологии» конца 20-х гг.: требование заменить стыдливость чувством товарищества, отрицание ценности девственности, сублимация «половой энергии» в энергию революционную⁶⁷, — то самое, что неустанно пропагандировалось тогдашней дидактической литературой⁶⁸.

Часом «икс» для героев рассказа был представлен день, когда в «гурте» появилась «женщина с бедрами роженицы и грудью физкультурницы» — эмансипированная студентка Лиза Мисник. Действие ускорялось: Лиза без лишних церемоний предлагала главному герою в первый день знакомства: «Пойдем спать!», после чего в дневнике появились записи, вполне традиционные для патриархатной идеологии субъектного отношения к женщине (один из членов содружества увлекся вуайеризмом — подглядываниями за переодеваниями Лизы, другим овладела «законно-гнилая мысль, что, может, Лиза станет наконец общей любовницей»). Воспитательные интенции героев романа заканчивались также вполне традиционно для «старого быта» (а совсем не «нового», против которого, собственно, было заострено данное сочинение): один из коммунаров, не выдержав долговременных уроков воспитания в Лизе «потери чувства стыда» и превращения в «свободную, независимую женщину», подсыпал ей снотворное и насиловал; флигель, в котором располагалась ставшая ненавистной главному герою коммуна, сгорал, а сам Дорош погибал в огне. Насилие в сфере сексуальной, таким образом, эскалировалось автором и в конце рассказа казалось уже мелочью по сравнению с лишением жизни. Пожалуй, это было одно из последних произведений дототалитарного соцреализма с «плохим концом». В поэзии и прозе 1930-х гг. таких «огрехов» уже не случалось.

Таким образом, к началу 1930-х гг. в литературном дискурсе медленно, но верно происходила подмена бывшей когда-то символом эмансипации от старых моральных норм идеи свободных отношений между полами идеей возвращения к хорошо забытому старому: необходимости строительства «длительной парной семьи как единственной формы семьи, которая нам нужна»⁶⁹. «Нужная» форма семьи предполагала вполне традиционное распределением семейных ролей, но должна была состоять из равноправных (для социума) работников.

«Наивную социологию любви», провозглашавшую «пролетарскую мораль» как «любовь-товарищество» (в тезаурусе А. М. Коллонтай такие отношения были следствием «многогранности духа» и «многосторонности души»)⁷⁰ уже в начале 1930-х гг. было предложено забыть. Советская литература стала старательно избегать изображения интимных мотивов и переживаний, поскольку тоталитарная идеология ханжески настаивала на том, что они имеют второстепенное значение для формирования личности. Рассмотренная выше «перестройка» в российской советской литературе и общественном сознании, отказ от обращения к теме половой морали и «падали полового вопроса» были следствием того, что множество литературных произведений, в которых были изображены «новые люди» и «новый быт», оказались тем зеркалом, которое «отразило не то, что нужно» и которое захотелось разбить. То, что описывалось А. М. Коллонтай, С. И. Малашкиным, Л. И. Гумилевским, П. С. Романовым и что действительно существовало в студенческой, пролетарской среде, — вызывало раздражение. Это была нежелательная, нелицеприятная правда, от которой идеологам «нового быта» показалось разумнее всего отвлечься.

Примечания

¹ Например, писатель и поэт С. И. Малашкин дружил с В. М. Молотовым. Подробнее об этом см.: *Naiman E. Sex in Public: Reincarnation of Soviet Ideology*. Princeton (NJ), 1999. P. 100.

² Я полагаю необходимым оставить за рамками рассмотрения литературные произведения, в которых весьма натуралистично изображались отношения полов в годы революции, Гражданской

войны, военного коммунизма (Б. Пильняка, Ю. Либединского, Н. Вигилянского и Б. Галина), опубликованные до 1920 г. и в начале 1920-х гг. Всплеск интереса к «половому вопросу» проявился в годы НЭПа и был связан с попыткой перестроить по-новому старый быт.

³ Коллонтай А. М. Любовь пчел трудовых. М., 1923.

⁴ Любопытно, что неполное десятилетие спустя это произведение А. М. Коллонтай было опубликовано на английском языке под названием «Свободная любовь». См.: *Kollontai A. M. Free Love. L., 1932.*

⁵ Коллонтай А. М. Большая любовь. М., 1927; *Она же. Сестры; Василиса Малыгина. М., 1927.*

⁶ См., например: Буднев Ф. Половая революция // На посту. 1924. № 1.

⁷ *Wrobel I. Wege der Liebe // Die Weltbühne. 1926. № 22 (2).*

⁸ Коллонтай А. М. Любовь трех поколений. М., 1923. С. 18.

⁹ Подробнее всего история взаимоотношений А. М. Коллонтай с П. Дыбенко изложена в биографии, написанной американской исследовательницей: *Clements B. E. Bolshevik Feminist: The Life of Alexandra Kollontai. Bloomington (Indiana), 1979.*

¹⁰ Буднев Ф. Указ. соч. С. 243.

¹¹ Там же. С. 247.

¹² Там же. С. 248.

¹³ Подробнее о литературном творчестве А. М. Коллонтай и проблемах пола в нем см.: *Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. 1992. № 1; Шорэ Е. Судьба трех поколений, или От очарования к разочарованию // Преображение. 1997. № 5.*

¹⁴ Брыкин Н. А. Собачья свадьба // Брыкин Н. А. В новой деревне: Очерки. М., 1925. Оказывая новобрачным «собачью честь» (на двери «повенчавшихся» без церковного благословения, под портретом В. И. Ленина вместо иконы, соседи повесили дохлых собак), неизвестные недоброжелатели демонстрировали отношение к светскому браку как к греховному сожителству, как к обычной случке, буквально — «собачьей свадьбе», суть которой заключается в отрицании таинства брака, в глумлении над традициями, в насаждении идеологии вездозволенности.

¹⁵ Калинин И. Ф. Мощи. Л., 1925—1926.

¹⁶ Зорич А. «Мощи» Иосифа Калинникова // Правда. 1926. 9 апр. С. 5.

¹⁷ Блюменфельд В. О монастырском орнаменте Иосифа Калинникова: («Мощи», т. I) // Жизнь искусства. 1926. № 31; Гайк А. Еще о «Мощах» // Там же. № 35. Много позже поэт С. Липкин называл роман И. Ф. Калинникова «бестселлером комсомольской юности» (*Липкин С. Записки жильца. М., 1997. С. 209.*)

¹⁸ Гладков Ф. Цемент // Красная новь. 1925. № 1—6.

¹⁹ См.: Залкинд А. Б. Половой вопрос в условиях советской общественности. Л., 1926. С. 8.

²⁰ Отзывы рабочих // ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 2. Л. 44 (Кабинет по изучению читателя журнала «Красная новь»).

²¹ См.: *Naitan E. Op. cit. P. 178.*

²² Романов П. Без черемухи. М., 1926.

²³ Он же. Без черемухи: Повесть; Рассказы. М., 1990. С. 316.

²⁴ Романов Пантелеймон // Литературная энциклопедия: Т. 10. М., 1937. С. 201.

²⁵ Подборка была сделана директором Института К. Маркса и Ф. Энгельса, Д. Рязановым. См.: *Рязанов Д. Маркс и Энгельс о браке и семье // Комсомольская правда. 1927. 12 февр. С. 2.*

²⁶ Юж В. На очередные темы: проблема пола // Женский журнал. 1926. № 2. С. 4.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 27. Писатель и критик В. П. Полонский сообщал о получении письма от читательницы, обличавшей П. С. Романова и цитировавшей популярные стихи: «“Развяжи свои подвязки и застёжки расстегни! Тело, жаждущее страсти, не стыдливо обнажи!” — Так ведь это годилось раньше, во времена Распутиных. Но что это будет, если наши фабричные девчонки по первому требованию парней будут раскрывать губы. Нет уж, писатель Романов, лучше побереги эти проповеди для своего интимного кружка и не выпускай на свет...» (Там же. Оп. 1. Ед. хр. 394. Л. 77—79). См. также сохраненную в составе его фонда статью «Вопросы пола и брака в жизни и в комсомоле» (Там же. Оп. 3. Ед. хр. 15).

²⁸ Там же. Ед. хр. 12.

²⁹ Романов П. Суд над пионером // Молодая гвардия. 1927. № 1. С. 86.

³⁰ Гусев С. Суд пионеров над П. Романовым // Молодая гвардия. 1927. № 7.

³¹ *Petrochenkov V.* [*Петроченков В.*] Творческая судьба Пантелеймона Романова. Tenafly (NJ), 1988. P. 113.

³² За новый быт // Ленинградский студент. 1929. № 4. 20 нояб.

³³ *Ионов П.* Без черемухи // Правда. 1926. 4 дек. С. 5. Тот же литературный критик написал послесловие к сборнику произведений П. С. Романова. В нем он весьма однозначно заклеил сочинительство писателя как «проявление мелкобуржуазной мещанской сути» (см.: *Ионов П.* «Без черемухи» // Романов П. Рассказы и повести. М., 1928. С. 193).

³⁴ *Каган Л.* Работа городской ячейки ВЛКСМ среди девушек. М.; Л., 1927. С. 62.

³⁵ *Третьяков С.* Хочу ребенка // Новый Леф. 1927. № 3. Несмотря на то, что С. Третьяков имел договоренность с В. Э. Мейерхольдом о постановке пьесы, она так и не была поставлена и не стала предметом обсуждения и «судов». Текст пьесы впервые был переиздан лишь в 1988 г. (*Третьяков С.* Хочу ребенка! // Современная драматургия. 1988. № 2).

³⁶ *Ермилов В.* О бесплодном нравоучительстве // Молодая гвардия. 1927. № 3. С. 174.

³⁷ «Комсомольская правда» прямо указывала в передовой статье, подписанной профессором В. Гориневским, что «сублимация имеет огромное значение» и пропагандировала половое воздержание (См.: *Гориневский В.* Половой вопрос // Комсомольская правда. 1926. 29 янв. С. 3).

³⁸ *Полонский В.* О современной литературе. М., 1928. С. 193.

³⁹ *Он же.* О проблемах пола и половой литературе // Известия. 1927. 4 апр. С. 3.

⁴⁰ *Лялин В.* Диспут в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской // Молодая гвардия. 1926. № 12. С. 171.

⁴¹ Там же. С. 173.

⁴² См., например: *Бронштейн В.* Отпор // Смена. 1929. 22 апр. (книги по половому вопросу названы в статье «порнографией и патологией современной литературы»).

⁴³ ИМЛИ. Ф. 24 (П. С. Романов). Оп. 1. Ед. хр. 82.

⁴⁴ *Гумилевский Л. И.* Собачий переулоч. М., 1926; *Он же.* Игра в любовь. М., 1927.

⁴⁵ *Гумилевский Л. И.* Собачий переулоч. С. 14.

⁴⁶ Там же. С. 56.

⁴⁷ Наказывая в финале главного героя лишением половой силы (по сути — символической кастрацией во фрейдистском понимании), автор не подозревал, что странным образом перекликается с первым большим произведением Хемингуэя «И восходит солнце», где вместо omnipotentного человека авангарда был выведен персонаж, принужденный войной к импотенции. Как художественные ценности названные романы несопоставимы.

О реальном существовании обществ, описанных в романе, говорят воспоминания современников. «Говорили, что то ли перед самой революцией, то ли сразу после нее в Москве открылось общество “Долой стыд!”, члены которого ходили на своих собраниях совсем голые. А балетмейстер Голейзовский среди бела дня прогуливал по Кузнецкому на золотой цепочке двух молоденьких балерин, вся одежда которых состояла из косой алой ленты через плечо с написанным на ней золотом названием общества...» (*Свирин А.* Цейтнот: (Из воспоминаний) // Комментарий. 1995. № 4. С. 46).

⁴⁸ О популярности говорят рецензии на роман, собранные ныне в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 9425. Оп. 2. Д. 19. Л. 110).

⁴⁹ См., например: *Корабельников Г.* Страсти-мордасти // Молодая гвардия. 1926. № 12. С. 174—176.

⁵⁰ См. о судьбе книги и самого литератора: *Гумилевский Л.* Судьба и жизнь // Волга. 1988. № 8. С. 83—118.

⁵¹ Список см.: ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 19. Л. 99—136.

⁵² «Суды» как форма вмешательства «коллективного разума» в частную жизнь индивидов были характерной частью российской действительности не только нэповского, но и всего советского времени, хотя и принимали на протяжении долгих 7 десятилетий Советской власти разнообразные формы. В 1920-х гг. они действительно имели вид судебного процесса, тем более кажущегося невероятным, когда речь шла о частной, интимной жизни. См., например: *Каневский А. Е.* Суд над Анной Горбовой по обвинению в производстве себе выкидыша. Одесса, 1925.

⁵³ ЦГАЛИ. СПб. Ф. 31. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

⁵⁴ Архив РАН. Ф. 597. Оп. 6. Д. 4. Л. 8.

⁵⁵ *Малашкин С. И.* Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь. Л., 1928.

⁵⁶ В журнале «На литературном посту» за 1926 г., в рубрике «Писатели рассказывают», говорилось, в частности: «С. Малашкин тоже делится планами: “Работаю над

фантастическим (выделено мною. — А. П.) романом «Луна с правой стороны»...» (Кац Р. История советской фантастики. Саратов, 1993. С. 34).

⁵⁷ См. об этом в статье американской исследовательницы психодрам российских писателей 1920-х гг.: Nesbert A. Suicide as Literary Fact in the 1920-s // Slavic Review. 1991. Vol. 50.

⁵⁸ См., например: Бульвер П. Луна без черемухи, или Из собачьего переулка // Смена. 1927. № 9. С. 10.

⁵⁹ Архив РАН. Ф. 597. Оп. 6. Д. 4. Л. 3.

⁶⁰ Бывший до 1917 г. по карману лишь буржуазии, кокаин после Октября стал доступен для прежних «угнетенных» классов; в годы НЭПа кокаином свободно торговали на улицах и рынках.

⁶¹ Т-ов. Библиография // Комсомольская правда. 1927. 2 февр. С. 3.

⁶² Демидович Е. В. Суд над половой распущенностью. М.; Л., 1927 (издательство «Долой неграмотность»).

⁶³ Божинская Н. Преступление Ивана Кузнецова: (Свободная любовь). М., 1927. С. 60.

⁶⁴ Цит. по: Малашкин С. И. // Литературная энциклопедия: Т. 6. М., 1932. С. 735.

⁶⁵ Венкстерн Н. А. Аничкина революция. М., 1928.

⁶⁶ Рудин И. Содружество. М., 1929.

⁶⁷ «Товарищи ведь мы, а не черти сладострастные, — рассуждает в романе коммунары Синевский о женской стыдливости. — Девичий стыд, воспетый некогда поэтами, — наследственный страх перед нападающими самцами. <...> ...Товарищества с женщиной можно достигнуть лишь переступив через стыдливость. ...На женщине нужно сыграть, чтобы разбудить в ней целый ряд инстинктов, ведущих к освобождению. Стыдливость и девственность — первое препятствие к эмансипации... свободная женщина не имеет тайн» (Рудин И. Указ. соч. С. 91).

⁶⁸ См., например, об этом: Россиянский Н. Об одном распространенном явлении // Комсомольская правда. 1925. 15 авг. (речь в статье идет о мастурбации, которую предлагалось лечить как раз перенаправлением энергии в творчество, дабы каждый молодой коммунист «чувствовал себя крепко увязанным с коммунистическим движением молодежи»).

⁶⁹ Луначарский А. В. О быте. М.; Л., 1927. С. 24.

⁷⁰ Коллонтай А. М. // Литературная энциклопедия: Т. 5. М., 1931. С. 412.